

Леонтьев К. Н.

Византизм и славянство

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л47

Л47 **Леонтьев К. Н.**
Византизм и славянство / Леонтьев К. Н. – М.: Книга по Требованию, 2016. – 170 с.

ISBN 978-5-519-49583-7

В знаменитой работе «Византизм и славянство» нашли отражение основные религиозно-философские идеи выдающегося русского мыслителя, писателя, литературного критика и публициста Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891 гг.). «Византизм» как конкретный тип культуры противопоставляется им «славизму» как некой неопределенной абстракции. Автор видит будущее России в сохранении традиционного Православия, сильной государственности самодержавия, консерватизме и эстетизме народной старины. «Так или иначе, для России нужна внутренняя сила, нужна крепость организации, крепость духа дисциплины» – актуальность этих слов не утрачена для нашей страны и по сей день. Также в сочинении К. Н. Леонтьевым обостряется опасность положения России, стоящей в то время на пороге принятия всеразрушающих буржуазнолиберальных доктрин «Великой» Французской революции, и «просвещенческого» идеала человека — борца за всеобщее равноправие, плотскую свободу и утопическую идею земного всечеловеческого благоденствия.

ISBN 978-5-519-49583-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016
© Леонтьев К. Н., 2016

Константин Леонтьев

Византизм и славянство

Москва
2016

УДК 2-1
ББК 86.2
Л47

Леонтьев, К. Н.

Л47 Византизм и славянство / К. Н. Леонтьев. — М.: Книга по Требованию, 2016. — 170 с.

ISBN 978-5-519-49566-0

В знаменитой работе «Византизм и славянство» нашли отражение основные религиозно-философские идеи выдающегося русского мыслителя, писателя, литературного критика и публициста К. Н. Леонтьева (1831–1891 гг.). «Византизм» как конкретный тип культуры противопоставляется им «славизму» как некой неопределенной абстракции. Автор видит будущее России в сохранении традиционного Православия, сильной государственности самодержавия, консерватизме и эстетизме народной старины. «Так или иначе, для России нужна внутренняя сила, нужна крепость организации, крепость духа дисциплины» – актуальность этих слов не утрачена для нашей страны и по сей день.

Также в сочинении К. Н. Леонтьевым обосновывается опасность положения России, стоящей в то время на пороге принятия всеразрушающих буржуазнолиберальных доктрин «Великой» Французской революции, и «просвещенческого» идеала человека — борца за всеобщее равноправие, плотскую свободу и утопическую идею земного всечеловеческого благоденствия.

УДК 2-1
ББК 86.2

ISBN 978-5-519-49566-0

© Книга по Требованию, оформление, 2016

Глава 1. Византизм древний

Что такое византизм? Византизм есть прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия.

Славизм, взятый во всецелости своей, есть еще сфинкс, загадка.

Отвлеченная идея византизма крайне ясна и понятна. Эта общая идея слагается из нескольких частных идей – религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных.

Ничего подобного мы не видим во всеславянстве. Представляя себе мысленно всеславизм, мы получаем только какое-то аморфическое, стихийное, неорганизованное представление, нечто подобное виду дальних и обширных облаков, из которых по мере приближения их могут образоваться самые разнообразные фигуры.

Представляя себе мысленно византизм, мы, напротив того, видим перед собою как бы строгий, ясный план обширного и поместительного здания. Мы знаем, например, что византизм в государстве значит самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом; знаем наклонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу. Знаем, что византизм (как и вообще христианство)

отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что она есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всеобщности, земного всеединства и вседозволенности.

Византизм дает также весьма ясные представления и в области художественной или вообще эстетической: моды, обычаи, вкусы, одежду, зодчество, утварь, — все это легко себе вообразить несколько более или несколько менее византийским.

Византийская образованность сменила греко-римскую и предшествовала романо-германской. Воцарение Константина можно считать началом полного торжества византизма (IV век по Р. Х.). Воцарение Карла Великого (IX век), его венчание императорское, которое было делом папства, можно считать первой попыткой романо-германской Европы выделить резко свою образованность из общевизантийской, которая до тех пор подчиняла себе, хотя бы только духовно, и все западные страны...

Именно вслед за распадением искусственной империи Карла все яснее и яснее обозначаются те признаки, которые составят, в совокупности своей, картину особой, европейской культуры, этой в свое время новой всемирной цивилизации.

Начинают яснее обозначаться будущие пределы позднейших западных государств и частных культур Италии, Франции, Германии, близятся крестовые походы, близится цветущая эпоха рыцарства, феодализма германского, положившего основы чрезмерному самоуважению лица (самоуважению, которое, перейдя путем зависти и подражания сперва в буржуазию, произвело демократическую революцию и породило все эти нынешние фразы о беспредельных правах лица, а потом, дойдя до нижних слоев западного общества, сделало из всякого поденщика и сапожника

существо, исковерканное нервным чувством собственного достоинства). Вскоре после этого раздаются и первые звуки романтической поэзии. Потом развивается готическое зодчество, создается вскоре католическая поэма Данта и т.д. Папская власть растет с того времени.

Итак, воцарение Карла Великого (IX век) – вот приблизительная черта раздела, после которой на Западе стали более и более выясняться своя цивилизация и своя государственность.

Византийская цивилизация утрачивает с этого века из своего круга все обширные и населенные страны Запада, но зато приобретает своему гению на Северо-Востоке югославян, а потом и Россию.

Века XV, XVI, XVII суть века полного расцвета *европейской* цивилизации и время полного падения византийской государственности на той почве именно, где она родилась и выросла.

Этот же самый XV век, с которого началось цветение Европы, есть век *первого* усиления России, век изгнания татар, сильнейшего против прежнего пересаживания к нам византийской образованности, посредством укрепления самодержавия, посредством установления придворных обычаев, мод, вкусов и т.д. Это пора Иоаннов, падения Казани, завоевания Сибири, век постройки Василия Блаженного в Москве, постройки странной, неудовлетворительной, но до крайности своеобразной, русской, указавшей яснее прежнего на свойственный нам архитектурный стиль, именно на индийское многоглавие, приложенное к византийским началам.

Но Россия, по многим причинам, о которых я не нахожу возможным здесь распространяться, *не вступила тогда же в период цветущей сложности и многообразного*

гармоничного творчества, подобно современной ей Европе Возрождения.

Скажу лишь кратко.

Обломки византизма, рассеянные турецкой грозой на Запад и на Север, упали на две различные почвы. На Западе все свое, романо-германское, было уже и без того в цвету, было уже развито, роскошно, подготовлено; новое сближение с Византией и, через ее посредство, с античным миром, привело немедленно Европу к той блистательной эпохе, которую привыкли звать Возрождением, но которую лучше бы звать эпохой *сложного цветения* Запада; ибо такая эпоха, подобная Возрождению, была у всех государств и во всех культурах, эпоха *многообразного и глубокого развития, объединенного в высшем духовном и государственном единстве всего, или частей,*

Такая эпоха у мидо-персов последовала за прикосновением к разлагающимся мирам халдейскому и египетскому, т.е. эпоха Кира, Камбиза и особенно Дария Гистаспа, у эллинов во время и после первых персидских войн, у римлян после пунических войн и все время первых кесарей, у Византии во времена Феодосиев, Юстиниана и вообще во время борьбы противу ересей и варваров, у нас, русских, со дней Петра Великого.

Соприкасаясь с Россией в XV веке и позднее, византизм находил еще бесцветность и простоту, бедность, неприготовленность. Поэтому он глубоко переродиться у нас не мог, как на Западе, он всосался у нас общими чертами своими чище и беспрепятственное.

Нашу эпоху Возрождения, наш XV век, начало нашего более сложного и органического цветения, наше, так сказать, единство в многообразии, надо искать в XVII веке, во время Петра I или, по крайней мере, первые проблески при жизни его отца.

Европейские влияния (польское, голландское, шведское, немецкое, французское) в XVII и потом в XVIII веке играли ту же роль (хотя и действовали гораздо глубже), какую играли Византия и древний эллинизм в XV и XVI веках на Западе.

В западной Европе старый, первоначальный, по преимуществу религиозный, византизм должен был прежде глубоко переработаться сильными местными началами германизма: рыцарством, романтизмом, готтизмом (не без участия и арабского влияния), а потом те же старые византийские влияния, чрезвычайно обновленные долгим непониманием или забвением, падая на эту, уже крайне сложную, европейскую почву XV и XVI веков, пробудили полный расцвет всего, что доколе таилось еще в недрах романо-германского мира.

Заметим, что византизм, падая на западную почву, в этот второй раз действовал уже не столько религиозной стороной своей (не собственно византийской, так сказать), ибо у Запада и без него своя религиозная сторона была уже очень развита и беспримерно могуча, а действовал он косвенно, преимущественно эллино-художественными и римско-юридическими сторонами своими, *остатками классической древности*, сохранными им, а не специально византийскими началами своими. Везде тогда на Западе более или менее усиливается монархическая власть несколько в ущерб природному германскому феодализму, войска везде стремятся принять характер государственный (более римский, диктаториальный, монархический, а не аристократически областной, как было прежде), обновляются несказанно мысль и искусство. Зодчество, вдохновляясь древними и византийскими образцами, производит новые сочетания необычной красоты и т.д.

У нас же со временем Петра принимается все это уже до того переработанное по-своему Европой, что

Россия, по-видимому, очень скоро утрачивает византийский свой облик.

Однако это не совсем так. Основы нашего, как государственного, так и домашнего, быта остаются тесно связаны с византизмом. Можно бы, если бы место и время позволяли, доказать, что и все художественное творчество наше глубоко проникнуто византизмом в лучших проявлениях своих. Но так как здесь дело идет почти исключительно о вопросах государственных, то я позволю себе только напомнить о том, что московский дворец наш хотя и неудачен, но *по намерению* своеобразнее Зимнего, и был бы и лучше его, если бы был пестрее, а не белый, как сначала, и не песочный, как теперь, потому что пестрота и своеобразие более византийской (чем Петербург) Москвы пленяет даже всех иностранцев. Surlin Robert говорит с радостью, что Москва есть единственный славянский город, который он видел на свете; Ch. de Mazade, напротив того, говорит с бешенством, что самый вид Москвы есть вид азиатский, чуждый муниципально-феодальной картине Запада и т.д. Кто из них прав? Я думаю, оба, и это хорошо. Я напомню еще, что наша серебряная утварь, наши иконы, наши мозаики, создания нашего византизма, суть до сих пор почти единственное спасение нашего эстетического самолюбия на выставках, с которых пришлось бы нам без этого византизма бежать, закрывши лицо руками.

Скажу еще мимоходом, что все наши лучшие поэты и романисты: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Кольцов, оба графа Толстые (и Лев и Алексей), заплатили богатую дань этому византизму, той или другой его стороне, государственной или церковной, строгой или теплой...

Но жарка свеча
Поселянина
Пред иконою
Божьей Матери¹

Это точно так же русский византизм, как и возглас
Пушкина:

Иль Русского Царя бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль мало нас?..

Семья?.. Но что ж такое семья без религии? Что та-
кое русская семья без христианства? Что такое, наконец,
христианство в России без византийских *основ* и без ви-
зантийских *форм*?..

Я удержусь и больше ничего здесь не скажу ни об
эстетическом творчестве русских, ни о семейной нашей
жизни.

Я буду говорить несколько подробнее лишь о госу-
дарственной организации нашей, о нашей государст-
венной дисциплине.

Я сказал, что у нас при Петре принялось многое
цивилизующее, до того уже по-своему переработанное
Европой, что государственная Россия как будто бы во-
все утратила не только облик византизма, но и самые
существенные стороны его духа.

Однако, сказал я, это не совсем так. Конечно, при
виде нашей *гвардии* (*La garde*), *обмундифованной и марши-
рующей* (*marchieren*) по Марсову полю (*Champ de Mars*)
в *Санкт-Петербурге*, не подумаешь сейчас же о визан-
тийских легионах.

При взгляде на наших флигель-адъютантов и камер-
геров не найдешь в них много сходства с крещеными

¹ Кольцов.

преторианцами, палатинами² и евнухами Феодосия или Иоанна Цимисхия. Однако это войско, эти придворные (занимающие при этом почти все политические и административные должности) покоряются и служат одной идее царизма, укрепившейся у нас со времен Иоаннов, под византийским влиянием.

Русский царизм к тому же утверждён гораздо крепче византийского кесаризма и вот почему:

Византийский кесаризм имел диктаториальное происхождение, муниципальный избирательный характер.

Цинциннат, Фабий Максим и Юлий Цезарь перешли постепенно и вполне законно сперва в Августа, Траяна и Диоклетиана, а потом в Константина, Юстиниана, Иоанна Цимисхия.

Сперва диктатура в языческом Риме имела значение законной, но временной меры всемогущества, даруемого священным городом одному лицу; потом посредством законной же юридической фикции священный город перенес свои полномочные права, когда того потребовали обстоятельства, на голову пожизненного диктатора-императора.

В IV же веке христианство воспользовалось этой готовой властью, привычной для народа, нашло в ней себе защиту и опору и помазало по-православному на новое царство этого пожизненного римского диктатора.

Естественность этой диктаториальной власти была такова, привычка народов к ней так сильна, что под властью этих крещеных и помазанных церковью диктаторов Византия пережила западный языческий Рим на 1100 слишком лет, т.е. *почти на самый долгий срок государственной жизни народов*. (Более 1200 лет ни одна госу-

² *Primicerius sacri cubiculi, castrensis* и т. д. — управляющие священной опочивальней, придворные (*лат.*).